

УДК 82-1
DOI 10.22213/2618-9763-2023-2-60-67

И. М. Некипелова, кандидат филологических наук, доцент
Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЭПОХИ И ОНТОЛОГИЯ ДУХА В ПОЭМЕ ВЕНИАМИНА ТРОНИНА «ЗАЛОЖНИКИ»

Статья посвящена исследованию феноменологического поля поэмы Вениамина Тронина «Заложники». Это литературное произведение представляет собой достойный образец современной литературы, оно отвечает запросам и требованиям настоящего времени и развивает уже сложившиеся в русской литературе традиции. В ходе исследования было выявлено, что поэма имеет глубокие феноменологические смыслы, которые создают ее многоплановость. Всего в поэме представлены четыре глобальных плана. На поверхности текста находится эпохальный план, именно он создает фабулу произведения. Описывая советское и постсоветское время, автор дает ключевые символы и образы советской и постсоветской эпох, в которых живет главный герой поэмы. Их раскрытие осуществляется автором через судьбы героев произведения, в результате чего вскрываются сначала социальный план межличностных отношений, а затем и личностный план индивидуального сознания главного героя поэмы. Вперед выходит главный герой с его судьбой и переживаниями. Именно его сознание, представляющее собой чистое смыслообразование, формирует концептуальную картину мира в произведении и создает феноменологическое пространство эпохи, узнаваемое читателем. Последним и самым глубинным планом является онтологический план. Именно он показывает, насколько главный герой, покинутый всеми, одинок. Одиночество героя связано не с осознанием его межличностных взаимоотношений, а с осмыслением сути его существования. Он чувствует, что он очень далек от Бога. Постепенно, преодолевая в себе историческое, заложенное в эпоху, раскрывая социальное и личностное, он приходит к онтологическому – основам своего существования. В завершение исследования был сделан вывод, что автором в произведении представлена поэтическая феноменология духа, реализованная в попытке выявить в субъективном восприятии человека объективное состояние эпохи, которая складывается не из времени, а из человеческих судеб, одной из которых является судьба главного героя.

Ключевые слова: литературный процесс; литература Удмуртии; феноменология эпохи; онтология духа.

Введение

Современное литературное пространство России представляет собой весьма гетерогенное образование, объединяющее писателей и поэтов во многом не только не согласных друг с другом, но и даже противопоставляющих себя друг другу. Многочисленные литературные объединения и организации, деятельность которых должна быть направлена на поддержание современной литературы на достойном уровне, во многом препятствуют своей деятельностью этой цели, поскольку устанавливают жесткие внутренние границы, преодолеть которые писателям со стороны бывает достаточно сложно. Та же самая ситуация складывается и на территории Удмуртской Республики.

Современная русскоязычная литература Удмуртии во всероссийском литературном пространстве представлена достаточно слабо и, несмотря на творчество некоторых значимых поэтов, писателей и драматургов, значительно уступает другим регионам России. По большей части она представлена прозаическими текстами, в меньшей степени – поэтическими и драматургическими. Только немногие из современных литераторов создают произведения, которые не только отвечают требованиям и запросам настоящего времени, но и продолжают уже сформировавшиеся литературные традиции.

Постановка проблемы

Исследования литературного процесса в Удмуртии представлены в достаточно

слабой степени. В основном исследуется творчество писателей и поэтов, пишущих на удмуртском языке [1–4], при этом отмечается, что «характерной особенностью современной удмуртской прозы является сосуществование в ней достаточно автономных по своим социокультурным характеристикам различных литературных практик» [5, с. 226]. Гораздо в меньшей степени исследователями затронуто творчество русскоязычных писателей и поэтов Удмуртии [6–9]. К сожалению, приходится говорить о том, что творчество некоторых значимых литераторов Удмуртии не исследовано совсем. Одним из таких литераторов является режиссер кино и театра, драматург и сценарист, продюсер, автор эксклюзивной методики кинотерапии семьи Вениамин Семёнович Тронин.

Вениамин Семёнович является создателем Удмуртской студии «Киноглаз-ов» и руководителем киношколы «ВЕТР», членом Союза кинематографистов России, уполномоченным представителем Республики Удмуртии в Союзе кинематографистов России, членом различных гильдий кинематографистов России, заслуженным деятелем искусств Удмуртии, экс-председателем общественного Совета по культуре города Глазова.

Из того, что написано В. С. Трониным за последнее время, следует отметить мировоззренческую трагикомедию с развернутыми комментариями «Карбид», киносценарий и социальную драму с элементами магического реализма «Пичуга», а также поэму «Заложники». Все произведения Вениамина Семёновича наполнены глубоким смыслом, они представляют собой достойные образцы современной литературы, требующие критического литературоведческого осмысления. Именно этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

Статья представляет собой выявление феноменологических аспектов представления советского и постсоветского времени и пространства в поэме Вениамина Тронина «Заложники», лежащих в основании поиска и нахождения главным героем онтологических смыслов его бытия.

Целью исследования является выявление феноменологических аспектов представле-

ния советского и постсоветского времени и пространства в поэме Вениамина Тронина «Заложники», лежащих в основании поиска и нахождения главным героем онтологических смыслов его бытия.

Философские основания литературы

Субъективный человек, существующий *aposteriori* в мире, существующем *apriori*, т. е. до и вне познавательного опыта человека, никогда не сможет объективно познать этот мир, и поэтому, как это – объективно, человек может лишь предполагать. Это постпозитивистское понимание природы познания определяет не только природу человеческих отношений, но и природу литературы в целом: ни одно литературное произведение, будучи созданным субъективным сознанием человека в результате творческого акта воли, не может претендовать на истину и объективность. Однако нельзя утверждать, что неповторимый опыт переживания этого мира одним человеком не может в какой-то степени совпадать в эмоциях и ощущениях с опытом другого человека. Именно поэтому можно говорить о том, что феноменологическое основание литературы, стремящееся к созданию всеобъемлющего единства сущего, является вторым основанием литературы как таковой. Как следствие, одной из основных задач литературы является представление картины мира, данное в виде обобщений отдельно взятого, частного человека с его частным опытом – автора.

В любом цельном по смыслу и замыслу литературном произведении автором представлена существующая в его мышлении картина мира. Эта картина мира получила название наивной, поскольку в ней отсутствует универсальная обобщенность, данная, например, в языке как таковом, представляющем собой феномен человеческой деятельности, и в каждой частной языковой системе, разделяемой многими людьми. Если же говорить о литературе, то можно утверждать, что читатель может разделять или не разделять с автором эту картину мира, принимать ее или не принимать. Во многом это зависит не только от наличия у него литературного вкуса, но и от понимания им

глубинных смыслов, заложенных автором в произведении. Из этого можно сделать вывод, что формирование литературного процесса в целом – это всегда двусторонний процесс непрямого, виртуального взаимодействия, кодирующего в произведении свою картину мира писателя и декодирующего эту отличную от собственной картину мира читателя. И чем сложнее по замыслу и умыслу произведение, тем больше личностных ресурсов должен иметь читатель, чтобы охватить это произведение своим мышлением.

Для создания литературной картины мира автор обращается к первичному опыту героя литературного произведения, с которым он может отождествлять или не отождествлять себя, т. е., по сути, к опыту познающего сознания, невозможного без мира и людей в нем. Это сознание представляет собой «трансцендентальное я», а процесс его сознания – «чистое смыслообразование», т. е. интенциональность [10]. Именно это позволяет автору, не охватывая весь мир в точностях и деталях, дать и представить концептуальную картину мира в произведении.

Здесь не стоят вопросы о существовании мира или о его объективной реализации: все эти вопросы выносятся за скобки произведения. Речь идет о творчестве как целевом конструировании мира сознанием человека, сущностью которого является вкладывание смысла в производимые им интенциональные акты: «быть сознанием» – это «давать смысл» [11], следовательно, быть автором – это создавать осмысленный текст.

В литературе это проявляется в создании пластов времени, пространства, ощущений и пр., из чего складывается глубинный смысл произведения. Иными словами, это можно обозначить таким образом: автор пишет об одном, чтобы сказать о другом. Именно это мы видим в поэме Вениамина Тронина «Заложники».

Феноменология эпохи. На первый взгляд кажется, что поэма Вениамина Тронина «Заложники» – это поэма истории: так много в ней символов времени и эпохи как таковой. Но это только поверхность текста – рассказ о том, как жили и чем кончили лю-

ди, разделявшие одно социальное пространство и время. И кажущаяся простота этой поверхности требует погружения в глубину текста и зашитых в нем смыслов так же, как требует сложнейшего осмысления кажущаяся простой любая жизнь. На самом же деле – это поэма героя, онтологического человека, простого и сложного. Человека, пытающегося приблизиться к богу через высказывание себя.

В поэме представлены четыре глобальных плана, которые ведут к тому, что не осознает сам герой произведения, но что должен увидеть читатель, ведомый чутким, но настойчивым автором:

эпохальный план → социальный план →
→ личностный план → онтологический
план.

И, вскрывая один пласт за другим, можно увидеть, что под описанием эпохи находятся люди, живущее в ней и ее создающие, и взаимодействие с ними определяет формирование, развитие и раскрытие личности героя, который постепенно через прислушивание к себе открывает в себе суть своего существования. Таким образом происходит движение к смыслу и сути вещей – от важных, но вторичных смыслов к смыслам изначальным, отвечающим на вопросы: «Кто мы и кто я?», «Зачем мы? Зачем я?».

И на первый вопрос ответ дает уже само название произведения, которое можно рассматривать во всех заявленных смыслах. Мы все здесь – «Заложники», и герой поэмы тоже заложник – заложник системы, эпохи, страны, общественных структур, законов и мнений, времени, границ собственной жизни.

Ключ к пониманию названия автором тоже дан. Он вложен в поток мышления героя – не явно в словах и суждениях, не поддающихся опровержению, а в его воспоминаниях о прошлом – о том, что с ним было в детстве:

Зарылись по уши в угле и щебне,
было пыльно, но было волшебю.
Отрывались потом по полной
и на подножках, и на платформах.
И дул ветер. И была воля.
А впереди – яблоки и море.

Здесь прослеживается идея мифологического «золотого» прошлого, свойственная мышлению взрослого человека: в прошлом у него было то, чего ему не хватает сейчас, – *воли*, делающей жизнь *волшебной*. Именно эта воля строит представление героя о возможности жизненных перспектив и будущего как такового.

Но в настоящем у героя «мелькает страна», в которой существуют серьезные и хмурые железнодорожники с витой арматурой в руках. Оттуда и возникает вопрос:

Почему же, почему же
было славно, стало хуже?

Вера в будущее у героя поэмы пропадает не сразу, она как будто размазывается по жизни, исчезая к настоящему времени, которое проживает герой, как мазок краски, сходя на нет:

И потом был ветер. И была дорога.
Узкоколеечку, упершись рогом,
тянули на севере Горьковской,
было не сахар, *но было здоровско*.

Эпоха дана штрихами, огромными мазками, в которых она безоговорочно узнается:

Страна быкует.
Вещички пакуют
не самые худшие
её сыны,
а ей хоть бы хны.

И в этой эпохе, объединившей всех людей в постсоветском времени и пространстве, герой тоскует об утраченной воле:

Эх, матушка-воля.

Дикое-дикое-дикое поле.

В этом отношении – в узнаваемости эпохи, ее времени и пространства – частное сознание героя в процессе исследования мира в явлениях и процессах приближается к априорному сознанию и сводит априорный мир к «сущностным necessities», и прежде всего к понятиям добра и любви, сущностно необходимых этому миру, потому что, если их из него исключить, он совсем пропадет. Происходит частичная объективизация познания, имманентно конституирующая кажущийся объективным мир. В этой точке происходит соприкосновение автора и читателя, узнающего себя и эпоху,

в которой он жил или живет, в произведении. Все это происходит интуитивным путем, выраженным дескрипцией, т. е. прежде всего описанием. Обобщенные узнаваемые образы людей, реалии действительности, выдернутые из жизненного контекста, и символы эпохи – все это об этом, о сущностных характеристиках времени проживания человека и эпохе.

Онтология личности. Герой поэмы – это человек во времени, и в то же время это человек, который больше того времени, в котором живет. Его предназначение – быть созданием демиурга, а это значит, что наделенность речью – его основной атрибут. Это человек говорящий, но это и человек слушающий и познающий себя и мир через слушание, и поэтому поэма начинается с того, что один – *по-сторонний* (не только потому, что он просто незнакомый, но и прежде всего потому, что он находится на другой стороне от героя, на другой стороне сознания) – человек говорит, а другой – герой поэмы – его непрерывно слушает и воспринимает причины всего, и это принципиальный акт, потому что пока что-то не сказано, этого как будто и нет. Но говорящий нетрезв, и слова, выходящие из его неосмысленного нутра, бессмысленны. Они актуализируют процесс трансформации вечности в сиюминутную конечность, при котором явный божественный смысл становится скрытым.

Пласт отсылки к божественному в словах пьяного солдата представлен явно, но в том, что он говорит герою, не видно границ *по-ту-стороннего* и *по-эту-стороннего*, все свалено в его пьяном сознании в одну кучу – божественное, социальное, биологическое, и в этом мыслительном хаосе и герою, и читателю предстоит разбираться самостоятельно, вычлняя действительно нужное, важное:

И я догнал, что он сказал:

– Еще в раю – у матери в пузе я
познал, что такое контузия.

*Не война меня швыряет за борт,
не страна и не время, а мой аборт.*

Я знаю, палец лежал на курке,
и пульс частил уже в руке,
и бляла овечка,

но конфуз, – осечка,
облом!
Или ангел хлопнул крылом,
или просто кто-то напился
и конвейер сбился,
и умысел накрылся.
Извиняйте:
я родился.
Пардон.

Солдат уходит, но он выполнил в произведении свое предназначение, запустив сложный процесс актуализации самосознания героя:

До сердцевины,
до первой странички
дотюкать надобно
и мне, и птичке.

Герой поэмы одинок. Брошенный родителями, он чувствует свою брошенность не только по жизни, но и за ее пределами. Он не чувствует в себе Бога, он чувствует его брошенность в себе. Не видящий существенных оснований в жизни, не понимающий причин своего бытия, он ощущает, что «и жить, и не жить» – это все равно, и не делает разницы между пророком и сатаной. Но то, что заложено в нем как в создании Бога, заставляет задуматься над вопросом:

...отчего же так тяжело
быть завсегда с добром и любовью
к тем, кто по образу и подобию?

И ответ им дан: потому что «человек воюет». Именно поэтому счастье герой видит в попытке убежать от жизни, будучи при этом с кем-то:

Воспитка еще заполняла журнал,
а мы, несмотря на коленко,
рвали когти по Короленко –
злодейке-судьбе крутили динамо
двое сообщников – *я и мама*.

...А было солнце тогда иль ненастье,
не помню я. *Но было счастье*.

И от этого появляется страх остаться одному – без добра и без любви, потому что только люди, по каким-то причинам этого не делающие, способны творить добро и любить. Подобная биполярность человеческой природы – любить и не любить, делать добро и совершать зло – приводит к надрыву в душе героя: в одно и то же время он не хо-

чет быть с миром и не хочет быть этим миром покинут. И он ищет в себе пути снова стать цельным, как это было во время его пребывания в материнской утробе, и, несмотря ни на что, проживать эту жизнь, потому что родиться – это повезло:

– Нам повезло, малыш, лови кураж,
мы не пошли абортами в тираж.

Этот живущий в эпохи и постэпохи человек, пытаясь подняться над предметным временем и по-эту-сторонним пространством, то приближается к Богу, чувствуя, что все здесь изначально «с душами совсем еще не полыми», то вновь отдаляется от него и «тихо мычит на луну». Потеря Бога выражается в невозможности говорить и, как следствие, в том, что прошлое становится размытым и неопределенным, как и вся его жизнь:

Что же еще из этого я,
помню?.. Куртка вельветовая
была на мне... *И что-то еще очень важное...*

Это «что-то еще очень важное» с героем существует неуловимо, так же, как существует в самом произведении данная вкраплениями отсылка к онтологическому – вечному и божественному. То тут, то там в ткани текста возникают образы вечного – образы, противопоставленные временности эпохи. Они нарушают описание социально-бытового уровня существования человека, заставляют остановиться и задуматься о том, что посреди всего этого движущегося хаоса есть что-то глобальное и неизменное:

...в каждой *божьей* волости
внимали людишки со стороны...

и
Каждая-каждая *божия* птичка
хочет снести золотое яичко.

Нынче любого дружка развести
дело *священное* на Руси.

Так, постепенно снимая с себя слой за слоем то социальное, чторосло поверх личностного, герой поэмы остается наг, но при этом он достигает собственной глубины, открывая в себе то онтологическое, что присуще не телу, но духу – глобальность и вечность человеческой души, не знающее времени и эпохи. Так, время проживания, накладывая отпечаток на личность человека,

вскрывает в нем заложенную в его душе вневременность.

Жизнь, реализованная в бытии, воспринимается героем не линейно. Она изменяется, начинаясь в настоящем, потом уходит в прошлое, потом снова приближается к настоящему, а затем опять уходит в совсем далекое прошлое. И в этом процессе герой понимает, что «предыстория свивает свой клубок», а сама история для него не акт последовательных изменений материи, а осмысление жизни – прежде всего через воспоминания, данные ему в словах, образах и ощущениях. Это поэтическая феноменология духа, попытка выявить в субъективном восприятии человека объективное состояние эпохи, которая в свою очередь складывается не из времени, а из человеческих судеб, одной из которых является судьба главного героя.

Постепенно герой, проговаривая себя, приближается к пониманию того, что человек больше жизни, время больше жизни, душа больше жизни, и поэтому все ответы надо искать не в жизни, а за ее пределами: «Ответы ищи за чертой». Именно поэтому история в поэме – это текст, человек в ней – контекст, душа в нем – его контекстуальный смысл, вписанный в общую ткань пространственно-временного бытийного текста – исторического и эпохального.

Выводы

Современное литературное пространство Удмуртии является достаточно гетерогенным, в первую очередь, потому, что оно представлено двумя языками – удмуртским и русским. Во вторую очередь, его гетерогенность объясняется также существованием автономных по своим социокультурным характеристикам различных литературных практик, среди которых особого внимания заслуживают произведения, отвечающие запросам и требованиям современной реальности и развивающие уже сложившиеся в русской литературе традиции. Именно такие произведения оказываются наполненными глубинным смыслом, создающим их феноменологическую многоплановость.

Библиографические ссылки

1. Арзамазов А. А. Удмуртская поэзия второй половины 1970 – начала 2010-х годов: человек, природа, город. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2015. 336 с.

2. Завьялов С. А. Сквозь мох беззвучия: поэзия восточно-финского этнофутуризма // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 339–353.

3. Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек. Ижевск : Удмуртский университет, 2009. 376 с.

4. Душенкова Т. Р. Неомифологизм в удмуртской поэзии середины 1990-х годов : Очерк поэтической интерпретации. Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2013. 168 с. ISBN 978-5-4344-0144-9

5. Зайцева Т. И. Современная проза Удмуртии: между национальным и массовым // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2008. № 59, вып. 16. С. 226–236.

6. Богомолова З. А. Русские поэты Удмуртии: литературные портреты. Ижевск : Удмуртия, 1979. 104 с.

7. Серова М. В., Полянцева А. И. Художественная полиэтничность в русскоязычной поэзии Удмуртии // Язык и литература в научном диалоге. 2016. № 4 (8). С. 186–196.

8. Закирова Н. Н. «В Глазове Овидиев много и Гораций...»: штрихи к портрету литературной жизни города // Культура в фокусе научных парадигм. 2019. № 9. С. 115–120.

9. Скопкарева С. Л. Литература Удмуртии: эскизные наброски. Ижевск : Ижевский институт компьютерных исследований, 2017. 154 с.

10. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Husserliana VI. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag : Martinus Nijhoff, 1976. 323 s.

11. Фалёв Е. В. Глава 13. Гуссерль // История философии : учебник для вузов. Москва : Академический проект, 2005. 680 с.

References

1. Arzamazov A.A. *Udmurtskayapoeziyavtoropoloviny 1970 – nachala 2010-h godov: chelovek, priroda, gorod* [Udmurt poetry of the second half

of 1970 – the beginning of 2010 years: man, nature, city]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences, 2015, 336 p. (in Russ.).

2. Zav'yalov S.A. *Skvoz' moh bezzvuchiya: poeziya vostochno finskogo etnofuturizma* [Through moss silent: poetry of Eastern Finnish ethnofuturism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007, no. 85, pp. 339-353. (in Russ.).

3. Zajtseva T.I. *Udmurtskaya proza vtoroj poloviny XX – nachala XXI veka: natsional'nyj mir i chelovek* [Udmurt prose of the second half of XX – the beginning of XX century: the national world and the person]. Izhevsk, Publ. Udmurt University, 2009, 376 p. (in Russ.).

4. Dushenkova T.R. *Neomifologizm v udmurtskoj poezii serediny 1990-h godov: Oчерk poeticheskoy interpretatsii* [Neomythology in Udmurt poetry of the mid-1990s: Essay of poetic interpretation]. Izhevsk, Institute of Computer Research, 2013, 168 p. (in Russ.).

5. Zajtseva T.I. *Sovremennaya proza Udmurtii: mezhdru natsional'nyim i massovym* [Modern prose of Udmurtia: between national and mass]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, 2008, no. 59, vol. 16, pp. 226-236. (in Russ.).

6. Bogomolova Z.A. *Russkie poety Udmurtii: literaturnye portrety* [Russian poets of Udmurtia: literary portraits]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1979, 104 p. (in Russ.).

7. Serova M.V., Polyantseva A.I. *Hudozhestvennaya polietnichnost' v russkoyazychnoj poezii Udmurtii* [Artistic multi-ethnicity in Russian-language poetry of Udmurtia]. *Yazyk i literatura v nauchnom dialoge*, 2016, pp. 186-196. (in Russ.).

8. Zakirova N.N. ["In Glazov Ovidiyev a lot and Horatiev...": touches to the portrait of the literary life of the city]. *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradig*, 2019, no. 9, pp. 115–120. (in Russ.).

9. Skopkareva S.L. *Literatura Udmurtii: eskiznye nabroski* [Literature of Udmurtia: sketches]. Izhevsk, Izhevsk Institute of Computer Research, 2017, 154 p. (in Russ.).

10. Husserl E. *Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Husserliana VI. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag : Martinus Nijhoff, 1976. 323 s. (in Germ.).*

11. Falyov E.V. Glava 13. *Glava 13. Gusserl' // Istorija filosofii : uchebnik dlja vuzov*. [Chapter 13 Husserl History of philosophy, textbook for universities]. Moscow, Academic Project Publ., 2005. 680 p. (in Russ.).

I. M. Nekipelova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

PHENOMENOLOGY OF THE EPOCH AND ONTOLOGY OF THE SPIRIT IN THE POEM OF BENJAMIN TRONIN “HOSTAGES”

The article is devoted to the research of the phenomenological field of the poem by Benjamin Tronin “Hostages”. This literary work is a worthy example of modern literature, it meets the needs and requirements of the present time and develops the traditions already established in Russian literature. The study revealed that the poem has deep phenomenological meanings that create its multidimensionality. The poem presents four global plans. On the surface of the text is an epochal plan, it creates the plot of the work. Describing Soviet and post-Soviet times, the author gives key symbols and images of the Soviet and post-Soviet eras in which the main character of the poem lives. They are revealed by the author through the fate of the characters of the work, revealing first the social plan of interpersonal relations, and then the personal plan of the individual consciousness of the main hero of the poem. The protagonist comes forward with his fate and feelings. It is his consciousness, which is pure meaning formation, that forms the conceptual picture of the world in a work and creates the phenomenological space of the epoch, recognizable by the reader. The last and deepest plan is the ontological plan. It shows how lonely the protagonist, abandoned by all, is. However, the loneliness of the hero is not related to the understanding of his interpersonal relationships, but to the understanding of his existence. He feels very far from God. Gradually transcending the historical aspect of the age, revealing the social and personal aspects, he comes to the ontological aspect - the basis of his existence. At the end of the research, it was concluded that the author presents the poetic phenomenology of the spirit. This is realized in an attempt to reveal in the subjective perception of man the objective state of the epoch, which in turn consists not of time, but of human destinies, one of which is the fate of the protagonist.

Keywords: literary process; literature of Udmurtia; phenomenology of the epoch; ontology of the spirit.

Получена: 20.04.2023

ГРНТИ 17.82.10

Образец цитирования

Некипелова И. М. Феноменология эпохи и онтология духа в поэме Вениамина Тронина «Заложники» // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2023. Т. 19, № 2. С. 60–67. DOI: 10.22213/2618-9763-2023-2-60-67

For Citation

Nekipelova I.M. [Phenomenology of the epoch and ontology of the spirit in the poem of Benjamin Tronin “Hostages”]. *Social'no-ekonomiceskoe upravlenie: teoria i praktika*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 60-67 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2023-2-60-67